

Н.И. Петров

О ПАГАНИЗАЦИИ ОБРАЗА СВ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Статья посвящена сложившейся в отечественной науке тенденции трактовать русский культ св. Николая Чудотворца, в первую очередь, как одно из последствий длительного процесса замещения славянских языческих богов христианскими святыми. Между тем представляется, что те или иные особенности русской традиции почитания св. Николая вполне могут быть соотнесены с контекстом именно христианской народной культуры. С этой точки зрения в статье рассматривается несколько частных примеров, так сказать, «языческих» интерпретаций проявлений культа св. Николая (народные деревянные скульптуры XVII в., средневековые каменные кресты, скелеты коней, обнаруженные при раскопках Никольского храма XIV в.).

Ключевые слова: русский культ св. Николая Чудотворца, язычество, деревянные скульптуры, каменные идолы, каменные кресты, жертвоприношения животных.

В историко-этнографическом изучении русского христианства сформировалось вполне устойчивое стремление к соотнесению с исключительно дохристианскими верованиями восточных славян большей части тех особенностей позднейшей религиозной жизни, которые вступают в противоречие с вероучительными основами собственно церковного делания. Е.Е. Голубинский даже готов был утверждать связь известного рода распущенности некоторых представителей русского поместного дворянства первой половины XIX в. с древними языческими обычаями: «Даже на нашей памяти было немало количество помещиков, которые из дворовых и крепостных своих женщин набирали себе совсем турецкие гаремы... это не нововведение позднейших нравов, а несомненно остаток древних»¹. Думается, что подобному взгляду вполне уместно адресовать иронию Н.В. Гоголя, отразившуюся в указании писателя на иное пагубное пристрастие, свойственное чиновникам казенной палаты, в которой довелось служить П.И. Чичикову — сослуживцы главного героя поэмы «Мертвые души»

Петров Николай Игоревич — кандидат исторических наук, доцент, преподаватель училища благочестия Санкт-Петербургского подворья Константино-Еленинского женского монастыря (npetrovspb@yandex.ru).

1. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. М., 1904. Т. I. Период первый, киевский или домонгольский. Вторая половина тома. С. 866.

«приносили частые жертвы Вакху, показав таким образом, что в славянской природе есть еще много остатков язычества...»²

Отмеченное выше стремление кажется наиболее заметным в склонности ученых к паганизации³ народных культов христианских святых, обнаруживающейся, в первую очередь, в изучении почитания св. Николая Чудотворца. Ведь то совершенно особенное место, которое занял в русском христианстве со временем культ мирликийского святителя, впоследствии привлекло, соответственно, совершенно особенное, пристальное внимание исследователей этого религиозного феномена, усиленное убежденностью в исключительно народных истоках подобного отношения к св. Николаю⁴.

Важным итогом фольклорно-этнографического исследования русского почитания св. Николая стала известная монография Б.А. Успенского, изданная в 1982 г. и содержащая наиболее последовательное изложение — применительно к культу мирликийского святителя — концепции

---

2. Гоголь Н.В. Том пятый. Мертвые души. Поэма // Гоголь Н.В. Собрание сочинений в шести томах. М., 1953. С. 239. Это замечание Н.В. Гоголя, возможно, было вызвано его знакомством с первой частью труда И.М. Снегирева, опубликованной как раз в период работы над первым томом поэмы во второй половине 1830-х гг. («...Упомянут о разных поверьях язычества, кои из городов переселялись в села и деревни, от высшего сословия к низшему. Сколь не вытеснялись и не искоренялись старые народные обычаи в век Петра I; однако они пробивались в разных местах и при разных случаях. Что истреблялось в одном месте, то удерживалось в другом» (Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1837. Вып. 1. С. 8). Положительный отзыв Н.В. Гоголя об этом издании, связанный с рассуждениями писателя о славянском язычестве, содержится в его письме М.П. Погодину от 23 апреля (5 мая) 1839 г. (Переписка Н.В. Гоголя в двух томах. М., 1988. Т. 1. С. 370–373.)

3. Термин «паганизация», использовавшийся русскими христианскими философами (см.: Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 346), представляется все же более благозвучным, нежели встречающееся в исторической литературе слово «язычничество» (см., например, словосочетание «“язычничество” христианства» // Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. 2-е изд., перераб. М., 2001. С. 217).

4. О «демократической сущности Николы» писал Б.А. Успенский (Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского.) М., 1982. С. 55.) «Демократизм» образа св. Николая Чудотворца отмечал В.А. Булкин (Булкин В.А. Никольские храмы древней Руси // Святой Николай Мирликийский в произведениях XII–XIX столетий из собрания Русского музея. СПб., 2006. С. 6.) На «“демократическое” начало в образе русского Микола-угодника» указывала Т.Г. Иванова (Иванова Т.Г. Микола-угодник в русском повествовательном фольклоре и Илья-пророк в еврейской народной культуре // Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве. М., 2007. С. 43–44).

Рис. 1. Скульптура «Св. Николай Можайский» (дерево, темпера, высота — 51 см); Русский Север. XVII в., Государственный музей истории религии. Слева — Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского.) М., 1982. Илл. VII (вклейка). Справа — Сокровища музея истории религии. К 300-летию Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 21.

замещения восточнославянских языческих богов христианскими святыми: «...Иерархическое место Николы становится вполне понятным, если предположить, что отношения Бога и Николы... отражают отношения Перуна и Волоса, которые, в свою очередь, генетически представляют собой ипостаси Бога Грозы и его противника»⁵.

В отечественной литературе схожие взгляды обнаруживаются уже в «Истории русского народа» Н.А. Полевого: «Понятие об Одине, перенесенное ими к Перуну, понятие о Волосе, боге скотоводства и пажитей, заимствованное ими от Славян, Варяги перенесли к понятиям о громном Пророке Или и Святом Власии, который донныне почитается у нас в простонародии покровителем скотоводства»⁶. Впрочем, еще в конце XVIII в. сопоставление христианского святого с персонажем языческой мифологии воспринималось в России как шутка. Когда в 1789 г. Екатерина II благословила иконой св. Николая адмирала Василия Яковлевича Чичагова,

5. Успенский Б.А. Филологические разыскания... С. 39.

6. Полевой Н. История русского народа. М., 1829. Т. 1. С. 97–98.

назначенного незадолго до этого командующим флотом на Балтике, он сравнил мирликийского святителя с античным божеством. Вот как описывает этот эпизод сын Василия Яковлевича — Павел Васильевич Чичагов: «Да хранит вас Чудотворец, ваш покровитель», — (т.е. моряков), сказала Императрица. “Это наш Нептун, матушка!” — отвечал, улыбаясь, адмирал. “Почему же?” — спросила Императрица. “Он покровительствует морякам, а без ветра, тем паче попутного, флоту счастья не добыть, матушка”. Императрица смеялась от души, а адмирал остался доволен, что сумел шуточкой ободрить государыню...»⁷

Важно подчеркнуть, что сторонниками охарактеризованной точки зрения не предпринимались попытки реконструкции самого по себе историко-культурного процесса замещения персонажа дохристианской славянской мифологии образом христианского святого⁸. По замечательно меткому высказыванию А.Б. Страхова, «структурная антропология с ее бесстыдно примитивными схемами, отработанными на экзотическом материале бесписьменных культур, вдохнула новую жизнь в никогда, впрочем, не умиравшее стремление к подчинению сложных феноменов духовной культуры индоевропейцев жестким и удобным своей лукавой простотой механизмами кабинетной мифологии»⁹. Представляется, что одним из наиболее ярких примеров последствий такого «бесстыдства» является указание В.В. Иванова и В.Н. Топорова на «деревянное изображение св. Николая с головой медведя, в настоящее время находящееся в Казанском соборе в Ленинграде...»¹⁰ Б.А. Успенский, ставя вопрос о «преемственной связи Николы и культа медведя как воплощения Волоса Велеса», уже более сдержанно писал про деревянное изображение св. Николая «с головой, отчасти напоминающей медвежью голову...»¹¹ Так или иначе, знакомство с этим вполне типичным образцом народной скульптуры Русского Севера

7. Записки адмирала Павла Васильевича Чичагова первого по времени морского министра с предисловием, примечаниями и заметками Л.М. Чичагова. М., 2002. С. 222–223. См. также: Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины Второй. Издание полное, с примечаниями Г.Н. Геннади // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. Повременное издание. 1862. Июль — Сентябрь. М., 1862. Кн. 3. С. 182–183.

8. Ср.: *Lenhoff G.* Christian and Pagan Strata in the East Slavic Cult of St. Nicholas: Polemical Notes on Boris Uspenskij's *Filologiĉeskie razyskanija v oblasti slavjanskih drevnostej* // *Slavic and East European Journal*. Summer 1984. Tucson, 1984. Vol. 28. No 2. P. 156.

9. *Страхов А.Б.* На святого Николу... // *Palaeoslavica*. II. Cambridge, 1994. P. 50.

10. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974. С. 56–57.

11. *Успенский Б.А.* Филологические разыскания... С. 110. Прим. 157.

Рис. 2. Лик скульптуры «Св. Николай Можайский» (дерево, темпера, высота лика — около 45 см); с. Покча Пермской области, конец XVII — начало XVIII вв., Пермская государственная художественная галерея (Пермская деревянная скульптура. Пермь, 1985. С. 54–55. Рис. 22).

XVII в. *de visu*¹² (рис. 1) заставляет признать подобные ассоциации беспочвенными, а точнее — обусловленными такой концептуальной направленностью воображения, при которой последнее, по словам Н.М. Карамзина, «во всей своей бурной стремительности... не давало разуму отчета в путях своих»¹³. Попутно здесь следует также отметить мнение А.К. Чекалова о связи другой деревянной фигуры св. Николая Можайского «с невероятно длинной головой и птичьими глазами» — из церкви с. Покча Пермской области — «с образами людей-оборотней древних прикамских изваяний»¹⁴. Однако, думается, что и в данном случае видение орнитоморфных черт в датируемом концом XVII — началом XVIII вв. резном изображении мирликийского святителя (рис. 2) оказывается следствием определенного рода «инерции» восприятия подобных скульптур. И, например, О.М. Власова описывает покчинское изваяние совершенно иначе — как «одно из самых сложных произведений *поздней христианской*

(выделено мною — Н.П.) скульптуры», которое «выделяется высокой одухотворенностью черт. Особенно характерно выражение лика с высоким

12. Эта скульптура по сей день хранится в Государственном музее истории религии (фонд «Православие. Декоративно-прикладное искусство», инв. № А-99-IV) и экспонировалась на временной выставке «Воинство земное и небесное», проходившей в данном музее 16 ноября — 10 марта 2013 г.

13. Н.М. Карамзин приписывает эти слова И.Г. Гердеру (*Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Сочинения в двух томах. Л., 1984. Т. 1. С. 140*).

14. *Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., 1974. С. 87.*

морщинистым лбом, крылатым размахом бровей, “рассредоточенным” взором выпуклых, широко расставленных глаз. Одухотворенностью отмечена и прямая, вертикально вытянутая фигура святого»¹⁵.

Гораздо меньшее распространение получил иной поход к изучению русского почитания св. Николая, выстраивающемуся, в первую очередь, на основании собственно христианских текстов¹⁶. Между тем, как справедливо отметила Г. Ленхофф в своей рецензии на книгу Б.А. Успенского, «без знания того христианского культа Николая, *который был перенесен* (выделено мною — Н.П.) к восточным славянам, мы не сможем ни анализировать его трансформацию, ни отделить его от тех культов, которые могли предшествовать ему на славянской почве»¹⁷. И, например, представляется, что присутствующая в русской средневековой народной религиозности склонность к сближению образов св. Николая и Иисуса Христа и к почитанию мирликийского святителя как Бога не имеет никакого отношения к вряд ли вообще протекавшему на Руси в действительности процессу замещения образами христианских святых языческих богов, а обнаруживает свои истоки в отчетливо прослеживаемой схожести содержащихся в древнерусских житийных текстах сказаний о чудесах св. Николая — прижизненных (чудо о вине, чудо о умножении хлебных укрух и др.) и посмертных (чудо о Симеоне «яко избави корабль отъ потопа морскаго», чудо о трех иконах) — и евангельских рассказов о чудесах Спасителя (обращение воды в вино в Кане Галилейской, хождение по водам, укрошение бури, умножения хлебов)¹⁸.

Думается, что желание и готовность увидеть в русском культе св. Николая некие языческие черты (в качестве само собой разумеющейся особенности данного феномена) приводили и будут приводить исследовате-

---

15. *Власова О.М.* Пермская деревянная скульптура в ее связях с северным краем // Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера. Материалы конференции 13–17 июня 1995 г. Архангельск, 1995. С. 89. См. также: Пермская деревянная скульптура. Пермь, 1985. С. 10, 22.

16. См.: *Страхов А.Б.* О своеобразии формирования восточнославянского культопочитания и специфике соотношения в нем языческого и христианского элементов // Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М., 1985. С. 80, 82. *Страхов А.Б.* Становление «двоеверия» на Руси // *Cyrrillomethodianum*. XI. Thessalonique, 1987. P. 42–44. *Страхов А.Б.* На святого Николу... P. 49–50.

17. *Lenhoff G.* Christian and Pagan Strata... P. 160.

18. См. об этом подробнее: *Петров Н.И.* Об истоках обожествления св. Николая Чудотворца на Руси // Новгородика-2012. У истоков российской государственности. Материалы Международной научной конференции. Великий Новгород. Великий Новгород, 2013. Часть 1.

лей к весьма курьезным интерпретациям тех или иных конкретных историко-этнографических данных. Причем неправомерность такой интерпретации может быть далеко не столь заметной как в рассмотренном выше случае с «медвежьей головой» деревянного образа св. Николая. Ярким примером *кажущейся* очевидности присутствия языческих реликтов в народном почитании мирликийского святителя является следующее известие, приводимое Е.В. Аничковым:

«От покойного брата И.В. Аничкова, бывшего председателем Новгородского Археологического Общества, я узнал о следующей странной истории, имевшей место не задолго до войны в Крестецком уезде (Новгород. губ.). В одном селе на “жальнике” (заброшенное средневековое сельское кладбище — Н.П.¹⁹) стояло несколько каменных баб (то есть идолов — Н.П.). Крестьяне чтили эти бабы и говорили, будто к ним приставлен сельским обществом особый человек, собиравший с крестьян в положенные дни приношения зерном, как бы для жертвы. Новый священник, назначенный в тот приход, отказался служить на “жальнике” молебны о ниспослании плодов земных и о ниспослании дождя. Отсюда началось “дело”, и администрации пришлось озаботиться о подавлении чуть не силой этого курьезного возврата к язычеству. Главный идол назывался Микола»²⁰.

Сведения о почитании «идола Миколы» в Новгородской губернии начала XX в., конечно же, не могли не найти отражения в монографии Б.А. Успенского. По мнению исследователя, «нет никаких оснований соглашаться... с интерпретацией Е.В. Аничкова, который почему-то усматривает здесь спонтанный *возврат* к язычеству, т.е. *превращение* св. Николая в языческого бога. Можно, напротив, с уверенностью утверждать, что речь идет о продолжающемся почитании языческих богов (еще в XX в.), которые отождествились с христианскими святыми»²¹.

В 1990-х гг. А.А. Панченко и автор этих строк охарактеризовали приведенные Е.В. Аничковым данные следующим образом: «Подлинные каменные идолы известны в северной Руси в ничтожном количестве.

---

19. Подробнее о значении слова «жальник» см.: Панченко А.А., Петров Н.И. «Жальники» востока Новгородской области в современной сельской культуре // Дивинец Староладожский. Междисциплинарные исследования. Санкт-Петербург, 1997. С. 95–99.

20. Аничков Е. Последние работы по славянским религиозным древностям // Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Ročník II. Sešit 2. a 3. Praha, 1923. С. 543. Прим. 1. К сожалению, мне не удалось обнаружить в Государственном архиве Новгородской области какие-либо документы, которые могли бы детализировать данное сообщение И.В. Аничкова. Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность Игорю Юрьевичу Анкудинову за консультации и помощь в этих поисках.

21. Успенский Б.А. Филологические разыскания... С. 113.

Ситуация, при которой на одном “жальнике” в центре Новгородчины могло находиться сразу несколько почитаемых идолов, маловероятна. Очевидно, речь здесь идет о каменных крестах достаточно грубой формы (может быть, деформированных, обколотых). Идея эта принадлежит В.Я. Конечному. Можно предположить, что при ближайшем рассмотрении некоторые каменные изваяния, считающиеся сейчас идолами, окажутся каменными крестами. Такова, например, “антропоморфная фигура”, найденная около д. Велье (Псковская обл.). А.А. Александров, почти не имея к тому оснований, называет ее изображением “Услада”...»²²

Действительно, предварительный обзор каменных скульптур, как правило связываемых в историко-археологической литературе с языческими верованиями восточных славян, заставляет сомневаться в существовании среди последних дохристианской традиции изготовления и почитания монументальных антропоморфных каменных изваяний²³. С другой стороны, достаточно многочисленными оказываются случаи восприятия в XIX–XX вв. крестьянами северо-западной России средневековых каменных крестов в качестве антропоморфных фигур²⁴. И, наверное, неслучайно именно А.А. Александров, не различающий в своих изысканиях историко-археологические и фольклорные реалии, воспринял каменный крест с обломанными боковыми лопастями из д. Велье в качестве «идола Услада» (рис. 3)²⁵.

22. Панченко А.А., Петров Н.И. «Жальники» востока Новгородской области... С. 104. См. также: Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998. С. 187.

23. Петров Н.И. Каменные идолы Восточной Европы: славянское язычество? // Евразия сквозь века. Сборник научных трудов, посвященных 60-летию со дня рождения Дмитрия Глебовича Савинова. СПб., 2001. С. 86–90.

24. Панченко А.А., Петров Н.И. «Жальники» востока Новгородской области... С. 104–106. Панченко А.А. Исследования в области народного православия... СПб., 1998. С. 90–91, 186–202. Панченко А.А., Селин А.А., Яшкина В.Б. 1997. Почитаемое место у д. Кашельково: опыт междисциплинарного исследования местной святыни // Новгород и Новгородская земля. История и археология. (Материалы научной конференции. Новгород, 28–30 января 1997 г.) Новгород, 1997. Вып. 11. С. 367. Яшкина В.Б. Средневековые каменные кресты в традиционной культуре XIX–XX вв. // Канун. Вып. 4 (Антропология религиозности). СПб., 1998. С. 356–357.

25. Не стоит придавать значения предпринятой А.А. Александровым прорисовке этой «крестовидной фигуры»: «На лицевой части головы выделяются глаза и схематично моделированный углубленными линиями на плоскости нос. В левой руке идол держит крест с округлыми боковыми лопастями». Исключительная живость воображения исследователя столь же ярко проявилась и при описании каменного идола, найденного близ Пскова около устья р. Промежица (см. ниже) и известного после 1940-х гг. только лишь

Рис. 3. Средневековый каменный крест с обломанными боковыми лопастями из д. Велье Псковской области (Александров А.А. О следах язычества на Псковщине // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. № 175. М., 1983. С. 15–16. Рис. 5–1).

Для затронутого здесь вопроса особое значение имеет антропоморфное каменное изваяние, найденное в конце XIX в. в окрестностях Пскова, близ устья р. Промежица. А.Н. Кирпичников соотнес эту находку с известием побывавшего в Пскове в 1590 г. немецкого путешественника Иоганна Давида Вундерера (Johan David Wunderer) о «двух идолах», располагавшихся в ту пору «перед городом», около остатков полевого лагеря Стефана Батория 1581 г. Исследователь отметил, что «о жрецах Вундерер упоминает в давно прошедшем времени. Очевидно, что ко второй половине XVI в. святилище было заброшено или казалось таковым». Тем не менее, по мнению А.Н. Кирпичникова, «сообщение Вундерера о кумирах под Псковом позволяет реконструировать святилище, которое, возможно, почти семь веков находилось в окрестностях города» и лишь в самом конце XVI в. было уничтожено «в пору ужесточения борьбы христианства с языческими верованиями»²⁶.

Таким образом, вновь (вслед за Б.А. Успенским) был поставлен вопрос о возможности почитания на Руси языческих каменных скульптур в течение многих столетий после 988 г. Насколько правомерно такое предположение? Автор этих строк намеревается подробно рассмотреть охарактеризованную гипотезу А.Н. Кирпичникова в отдельной статье²⁷. Здесь же лишь следует отметить, что предположение о наличии каменных идолов в окрестностях Пскова в конце XVI в. обнаруживает очевидное несоответствие летопис-

---

по фотографиям (!): «...Идол имел слабо моделированные руки, причем в правой он держал стрелу с достаточно четко выраженным наконечником, а в левой — клинок» (Александров А.А. О следах язычества на Псковщине // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М., 1983. № 175. С. 15–16, рис. 5. Ср.: Кирпичников А.Н. Языческое святилище у Пскова // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 34–37).

26. Кирпичников А.Н. Языческое святилище... С. 34–37.

27. Петров Н.И. О так называемых «языческих идолах» около Пскова. Доклад на научно-практической конференции Государственного музея истории религии «XX Религиоведческие чтения. Символика сакрального» (26–28 ноября 2013 г., Санкт-Петербург).

ным известиям о «великом смятении» псковичей, случившемся в 1540 г. и вызванном принесением в этот город деревянных резных образов свв. Николая и Параскевы Пятницы²⁸. Каким образом эта боязнь «болванного поклонения» могла ужиться в ту пору с промежуточными изображениями языческих богов? Думается, что правильнее будет трактовать сообщение И.Д. Вундерера о псковских «идолах» (один из которых «в руке имеет крест», а второй «стоит на змее, с мечом в одной руке и огненным лучом в другой») как искаженное свидетельство распространения здесь во второй половине XVI в. обычая поклонения скульптурным изображениям как раз таки христианских святых, ведь в 1540 г. почитание во Пскове их деревянных образов «на рези» было санкционировано новгородским архиепископом.

Возвращаясь к известию Е.В. Аничкова о «каменных бабах» в Крестецком уезде Новгородской губернии, следует прокомментировать указание на связь описываемого им явления с культом св. Николая — «Главный идол назывался Микола». Дело в том, что среди средневековых каменных крестов Северо-Запада России известно несколько подобных предметов, отражающих особую традицию их посвящения мирликийскому святителю, например, каменный крест XIV (XII–XIV?) в. из д. Еройла (Карелия) с вырезанным на левой лопасти посвящением «святому Николе»²⁹. Надо также отметить каменный крест конца XV — начала XVI вв., происходящий из с. Толмачи Тверской области³⁰ и содержащий в центре оборотной стороны изображение св. Николая в рост, сопровождаемое двумя поясными изображениями неизвестных святых на боковых лопастях креста, причем на верхней лопасти креста трижды написано имя «Никола». (На лицевой же стороне этого креста изображено Распятие с фигурами двух ангелов и четырех предстоящих — Богородицы, Иоанна Богослова, одной из жен-мироносиц и, видимо, Лонгина сотника). Думается, что если «каменные бабы»

28. Псковские летописи. М.–Л., 1941. Вып. 1. С. 109–110.

29. *Шахнович М.М.* Монументальные каменные кресты Карелии // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции, посвященной 80-летию академика РАН В.Л. Янина. Новгород, 27–29 января 2009. Великий Новгород, 2009. Вып. 23. С. 353–357. Рис. 4. Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность Виктории Борисовне Панченко за неравнодушие, проявленное к моим вопросам о средневековых каменных крестах, посвященных св. Николаю.

30. *Николаева Т.В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. // Свод археологических источников. М., 1971. Вып. Е1–49. С. 38, 109. Табл. 9, № 9. *Попов Г.В., Рындина А.В.* Живопись и прикладное искусство Твери. XIV–XVI века. М., 1979. С. 587–588, 615–616, № 28.

из сообщения Е.В. Аничкова оказываются средневековыми крестами, то в «идоле Миколе» следует видеть один из таких крестов, посвященный св. Николаю. Очевидно, выраженное в той или иной форме посвящение мирликийскому святителю этого креста было вполне понятно местным жителям, что и привело к особенному его почитанию вплоть до начала XX в. Таким образом, рассмотренное известие Е.В. Аничкова при всей кажущейся его экзотичности отражает достаточно рядовое явление сельской религиозной жизни, исчерпывающим образом объяснимое традициями народного благочестия, не имеющими никакого отношения к дохристианским верованиям восточных славян.

Стремление к интерпретации вновь выявляемых данных о тех или иных древнерусских религиозных традициях, в первую очередь, как отражения языческих, дохристианских реликтов в тех случаях, когда эти данные кажутся выходящими за пределы неких общих, устоявшихся представлений о церковном благочестии, сохранилось и в наше время. Ярким примером подобной интерпретации является трактовка Вл.В. Седовым некоторых, на первый взгляд весьма неожиданных, результатов его раскопок остатков Николо-Лятского монастыря, впервые упоминаемого в летописях под 1356 г. и упраздненного в 1760-х гг.³¹ В 1998 г. исследователем было частично выявлено основание каменного храма, построенного в этой обители в 1365 г. Около оснований юго-западного и северо-западного подкупольных столбов здесь были встречены (соответственно) конский скелет и кости задней ноги коня, интерпретированные Вл.В. Седовым в качестве «строительных жертв», предшествовавших возведению церкви: «...Когда в 1365 году строители убивали двух коней и начинали возводить буквально на их костях подкупольные столбы, священнослужители смотрели в сторону или сквозь пальцы»³². Археологическое открытие такого рода, конечно же, только лишь косвенно могло бы быть соотнесено с почитанием св. Николая постольку, поскольку этому святому была посвящена церковь, основание которой было изучено раскопками, и сам Вл.В. Седов никак не связывал с культом именно мирликийского святителя обнаруженные им «строительные жертвы». Впрочем, совершенно очевидно, что если бы эти сведения попали, например, в поле зрения Б.А. Успенского в пору

---

31. *Петрова Л.И., Анкудинов И.Ю., Попов В.А., Силаева Т.В.* Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // Новгородский исторический сборник. 800-летию Нередицы посвящается. СПб., 2000. Вып. 8 (18). С. 141.

32. *Седов В.* Языческий обряд в христианском храме // Эксперт. № 37. 5 октября 1998 г. М., 1998. С. 57.

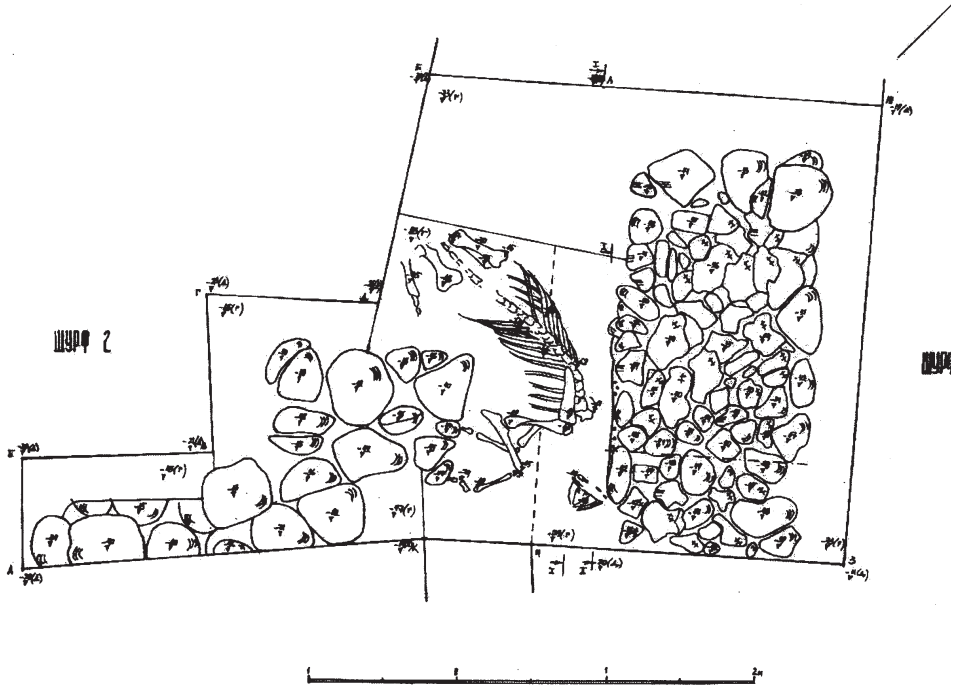

Рис. 4-1. Захоронения коней в основании Никольского храма 1365 г. Николо-Лятского монастыря под Новгородом: 1 — план расположения скелета коня около юго-западного подкупольного столба.

его работы над монографией «Филологические разыскания в области славянских древностей», они обязательно прозвучали бы в ней в качестве еще одного подтверждения языческого подтекста древнерусского почитания св. Николая, коль скоро в качестве аналогичного свидетельства рассматривалось даже именование одного Никольского монастыря (располагавшегося близ Владимира и известного с XIV в.) Волосовым³³, очевидно, по близлежащему селу Волосово³⁴ и, конечно, вне всякой связи в исторической действительности с именем языческого божества. (Здесь стоит напомнить, что имя Волос в качестве имени человека встречается как в новгородской

33. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982. С. 33.

34. Тихонравов К. Упраздненный Волосов монастырь // Владимирские губернские ведомости. № 14 от 7 апреля 1856 г. (часть неофициальная). С. 110–111.

летописи под 1187 и 1230 гг.³⁵, так и в одной новгородской берестяной грамоте XIV в.³⁶, поэтому представляется вполне допустимым видеть в названиях, подобных приведенному выше, антропотопонимы).

Итак, по мнению Вл.В. Седова, захоронения коней были совершены «непосредственно перед закладкой столбов» храма. Однозначность этого утверждения, конечно, вступает в противоречие с чрезвычайно плохой сохранностью основания данного памятника новгородского церковного зодчества XIV в. Известно, что в XIX в. остатки монастырских построек «разбирали на щебень» окрестные жители, а в 1960-х гг. местный колхоз начал здесь «копать траншеи под силосные ямы» (л. 10³⁷) и в результате работы бульдозера холм, частично изученный в 1998 г., был в значительной степени деформирован (л. 38). К концу XX в. основание храма оказалось почти полностью разрушенным: в ходе раскопок были обнаружены лишь частично сохранившиеся траншеи фундаментных рвов и основания четырех подкупольных столбов «в уровне нижних рядов фундамента», причем северо-восточный столб «был сильно раздавлен бульдозером» (л. 45). Одно захоронение коня было встречено около юго-западного столба (рис. 4–1³⁸). Кости располагались в анатомическом порядке, при этом некоторые из них все же отсутствовали, а скелет в целом был некоторым образом деформирован. «Никаких следов ямы прослежено не было, но судя по тому, как скелет примыкает к столбу, само захоронение было сделано одновременно с закладкой фундамента столба» (л. 33, 26, 36–37, рис. 19, 28–29³⁹). Однако, следы позднейшей ямы, в которой было совершено захоронение коня, вряд ли вообще могли бы быть прослежены в этом случае, принимая во внимание описан-

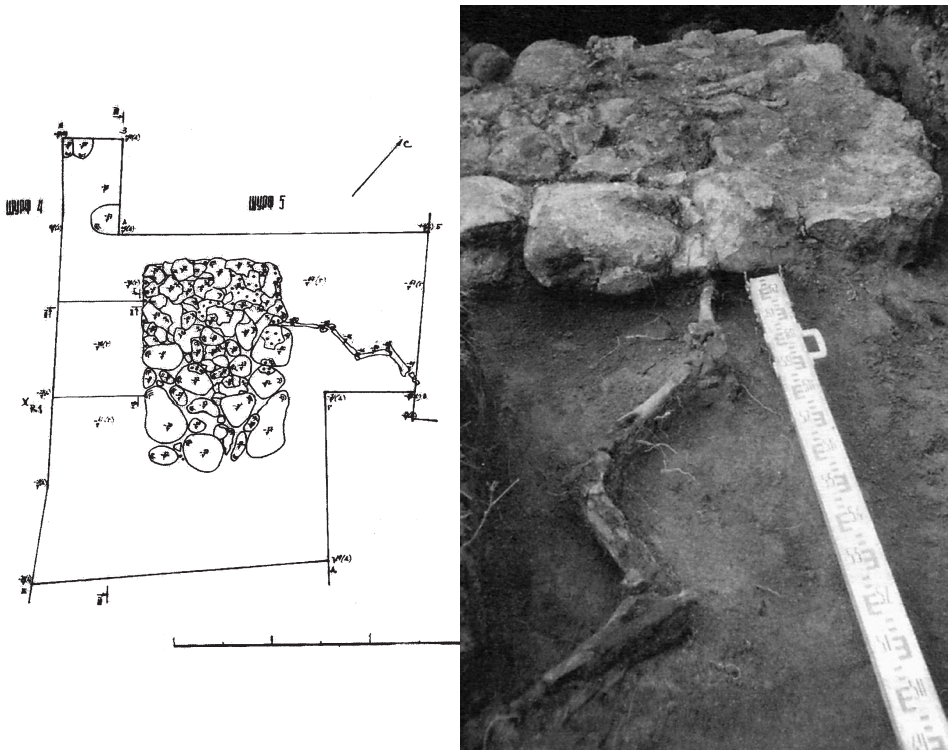
35. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. С. 38, 69.

36. *Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954. С. 54 (№ 50).

37. Здесь и далее в скобках указаны листы соответствующего отчета: *Седов Вл.В.* Отчет об архитектурно-археологических раскопках руин церкви Николая на Лятке в Новгородском районе Новгородской области в 1998 г. М., 1999 // Научно-отраслевой архив Института археологии Российской Академии наук. Р–1, № 22921. См. также: *Седов Вл.В.* Церковь Николая на Лятке (по данным раскопок 1998 г.) // Новгородские археологические чтения – 3. Материалы Международной конференции «Археология средневекового города. К 75-летию археологического изучения Новгорода». Великий Новгород, 25–28 сентября 2007 г. Великий Новгород, 2011.

38. К сожалению, в воспроизводимых на рис. 4–1 и 4–2 чертежах так же, как и на соответствующих иллюстрациях публикации и отчета Вл.В. Седова, почти невозможно рассмотреть цифры нивелировочных отметок и буквенные обозначения разрезов.

39. См. также: *Седов Вл.В.* Церковь Николая на Лятке... С. 121.

Рис. 4-2, 4-3. Захоронения коней в основании Никольского храма 1365 г. Николо-Лятского монастыря под Новгородом: план и фотография (с запада) расположения фрагмента скелета коня около северо-западного столба (Седов Вл.В. Церковь Николы на Лятке (по данным раскопок 1998 г.) // Новгородские археологические чтения — 3. Материалы Международной конференции «Археология средневекового города. К 75-летию археологического изучения Новгорода». Великий Новгород, 25–28 сентября 2007 г. Великий Новгород, 2011. С. 116, 119–120. Рис. 6, 9–10).

ную выше судьбу данного археологического памятника в XX столетии⁴⁰. Что касается примыкания скелета вплотную к подкупольному столбу, то это обстоятельство представляется вполне объяснимым предполагаемым мною

40. С юго-запада к скелету примыкало беспорядочное скопление валунов, которые «были, видимо, вмяты в материк при работе бульдозера в 1965 г.». Здесь «под дерном располагались две тонкие прослойки щебня от недавнего разрушения храма, а ниже шел материк...» А «в профилях шурфа (в котором было выявлено основание юго-западного столба — Н.П.) сразу под дерном шел материковый песок, так что раскопками удалось обнаружить уровень храма значительно ниже дневной поверхности» // Седов Вл.В. Церковь Николы на Лятке... С. 118, 121, 116 (рис. 6).

впускным, вторичным характером захоронения — само собой разумеется, что при его совершении в холме (под которым уже впоследствии были обнаружены остатки основания каменного храма) плотное скопление камней, встреченное в ходе рытья ямы, определило границу последней.

Остатки второго захоронения коня были частично раскрыты около северо-западного столба (рис. 4–2) «в материковом песке почти сразу под дерном...»: «...Была выявлена полностью задняя нога лошади в полном анатомическом порядке. Открыта часть таза и часть позвонков, которые уходят в южную бровку шурфа». При этом Вл.В. Седов трижды подчеркнул в своем отчете об этих раскопках, что с другой стороны этот фрагмент скелета коня был перекрыт кладкой основания столба: «...Кости... уходят под кладку столба». «От основной фаланги нога уходит в кладку столба». «Захоронение коня (лошади?), несомненно, связано с кладкой столба, в которую уходит задняя нога жертвы, так что это еще раз подтверждает одновременность закладки храма и появления в материковом песке рядом с его фундаментами конских останков» (л. 39⁴¹). Однако, ни на плане соответствующего шурфа, ни на представленных в отчете фотографиях (л. 40, 42, 43, рис. 30, 32, 33) не видно, чтобы фаланга ноги лошади именно «уходила» бы в скопление камней — она лишь упирается (так сказать, «втыкается») в него. Наличие двух последующих фаланг внутри сохранившейся *in situ* кладки основания столба никак не отражено ни в графической, ни, что особенно важно, в фотографической документации отчета Вл.В. Седова. Отсутствие же подобных данных заставляет вновь обратить особенное внимание на существенную деформацию остатков этого храма в XX в. и увидеть в этом фрагменте конского скелета позднейшее захоронение.

Мои сомнения в рассматриваемом предположении Вл.В. Седова обусловлены не только изложенными выше источниковедческими замечаниями. Можем ли мы вообще допускать жертвенное убийство двух или более коней при закладке православного храма во второй половине XIV в. в непосредственной близости от Новгорода и, что особенно важно, от резиденции новгородского архиепископа? Да, нам известна для той поры традиция совершения так называемой «строительной жертвы», предшествующей возведению дома⁴². Но, судя по археологическим данным, подобный обычай в средневековом Новгороде заключался в размещении под одной из стен сруба

---

41. См. также: *Седов Вл.В.* Церковь Николая на Лятке... С. 122.

42. Общий обзор соответствующих этнографических данных см.: *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 2005. С. 69–84.

жилой или хозяйственной постройки (иногда непосредственно под одним из ее углов) *головы* коня. Вл.В. Седов указывает девять подобных новгородских находок конских черепов, датирующихся X–XIV вв.⁴³ Еще один такой череп был обнаружен в Новгороде под углом фундамента каменного терема конца XIV — начала XV вв.⁴⁴

Вл.В. Седов же допускает совершение гораздо более внушительно-го ритуала в уже существовавшем к тому времени монастыре. Думается, что более простое объяснение данной находки окажется и более убедительным: речь здесь должна идти всего лишь о скотомогильнике, появившемся, очевидно, уже в XX в. в достаточно отдаленном от жилья, но в то же время в достаточно приметном месте: в холме, находящемся на небольшой возвышенности, расположенной в болотистой низине волховской поймы (л. 2, 3, рис. 1).

* * *

В основе рассмотренных выше «языческих» интерпретаций этнографических и археологических данных, в действительности не имеющих никакого отношения к дохристианским славянским верованиям, лежит, на мой взгляд, присущая многим исследователям внутренняя склонность к тому, чтобы во всяком кажущемся несоответствии изучаемого материала неким общим представлениям о «правильной» церковности древнерусской религиозной жизни видеть прямое отражение того или иного языческого

43. Седов Вл.В. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 68. М., 1957. С. 23–26. Рис. 6–7. Об аналогичных находках, сделанных в ходе раскопок Рюрикова городища см.: Семенов С.А. Некоторые дополнения о культовом и хозяйственном назначении хлебных печей конца IX–X вв. на Рюриковом городище // Древности Поволжья. СПб., 1997. С. 180–186.

44. Миронова В.Г. Языческое жертвоприношение в Новгороде // Советская археология. М., 1967. № 1. С. 222. Рис. 5. В.Г. Мироновой была опубликована также сделанная в ходе исследований на новгородском Ильинском раскопе находка скелета коня в яме, обнаруженной «в самом нижнем горизонте культурного слоя». Кости находились в анатомическом порядке, лишь череп коня располагался в этой же яме отдельно от скелета. Однако важно подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о «строительной жертве», связанной с какой-то определенной постройкой, а об остатках особенного ритуала, предварившего здесь начало во второй половине XI в. усадебной застройки как таковой (Миронова В.Г. Языческое жертвоприношение... С. 215, 217, 220–226. Рис. 1–4). В этом отношении данный комплекс аналогичен находке двух бычьих черепов, обнаруженных вместе с деревянным ковшом в яме, прослеженной «в предматериковом слое» середины X в. на Неревском раскопе Новгорода (Седов Вл.В. К вопросу о жертвоприношениях... С. 28–30. Рис. 8).

реликта. Факт, расцененный как нетипичный для христианской религиозности, «автоматически» относится к нехристианскому субстрату без какого-либо учета культурно-исторического контекста. При внимательном рассмотрении контекстов указанных данных вопрос об их «языческой» подоплеке полностью снимается. «Жертвенные» захоронения коней в основании Никольского храма оказываются поздним скотомогильником уже в ходе предварительного источниковедческого анализа выявленных археологических материалов. (При этом стоит подчеркнуть, что исходный скепсис в отношении гипотезы Вл.В. Седова диктуется, прежде всего, противоречащим ей историко-этнографическим и религиозным контекстом, а не источниковедческими соображениями.) В упоминаемом И.В. Аничковым каменном «идоле Миколы» с наибольшей вероятностью можно увидеть средневековый крест с вырезанным на нем посвящением мирликийскому святителю, а скорее всего и с изображением святого, особенно выделявшим этот «идол» среди прочих каменных крестов, сохранившихся на том жальнике.

Общее методологическое основание трактовок, подобных предложенным автором этих строк выше, может быть сформулировано следующим образом: анализ того или иного явления культуры уместно осуществлять в пределах контекста этого феномена, обращение же к иным культурным контекстам представляется оправданным в том случае, если контекст данного явления не открывает путей к его пониманию. По справедливому утверждению А.Л. Юрганова, «древнерусские тексты следует рассматривать как тексты *самодостаточные*, чтобы не попасться в ловушку собственных актуальных мифов... Сопроводим их другими — современными *им* текстами, “комментирующими” эти мифы, восстанавливающими их собственный смысл. Думается, это единственный путь, способный уберечь исследователя (насколько это вообще достижимо) от модернизированного понимания древнерусского произведения. *Тексты могут и должны говорить сами за себя*»⁴⁵.

Почитание св. Николая Чудотворца развивается в контексте русской народной религиозности, носители которой вполне осознают себя представителями именно христианской культуры, хоть эта убежденность и сочетается с той чрезвычайной степенью неразвитости церковного просвещения, о которой так эмоционально писал А.В. Карташев: «...Древнерусская церковь, при почти полном отсутствии в ней школьного научного просвещения, представляет собою довольно грустное и даже трагическое зрелище. По силе благочестия и аскезы это — герой, почти богатырь. А по немощи богословской мысли и невежеству это в лучшем смысле дитя,

---

45. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 41.

в худшем — слепец»⁴⁶. Впрочем, эта проблема взаимоотношения народной религиозности и церковного просвещения выходит за тематические рамки настоящей статьи.

Источники и литература

1. *Александров А.А.* О следах язычества на Псковщине // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М., 1983. № 175.
2. *Аничков Е.* Последние работы по славянским религиозным древностям // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. Ročník II. Sešit 2. a 3. Praha, 1923.
3. *Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954.
4. *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 2005.
5. *Бердяев Н.А.* Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.
6. *Булкин В.А.* Никольские храмы древней Руси // Святой Николай Мирликийский в произведениях XII–XIX столетий из собрания Русского музея. СПб., 2006.
7. *Власова О.М.* Пермская деревянная скульптура в ее связях с северным краем // Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера. Материалы конференции 13–17 июня 1995 г. Архангельск, 1995.
8. *Гоголь Н.В.* Том пятый. Мертвые души. Поэма // Гоголь Н.В. Собрание сочинений в шести томах. М., 1953.
9. *Голубинский Е.* История Русской Церкви. 2-е изд. М., 1904. Т. I. Период первый, киевский или домонгольский. Вторая половина тома.
10. *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. 2-е изд. М., 2001.
11. Записки адмирала Павла Васильевича Чичагова первого по времени морского министра с предисловием, примечаниями и заметками Л.М. Чичагова. М., 2002.
12. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.
13. *Иванова Т.Г.* Микола-угодник в русском повествовательном фольклоре и Илья-пророк в еврейской народной культуре // Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве. М., 2007.
14. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Сочинения в двух томах. Л., 1984. Т. 1.
15. *Карташев А.В.* Церковь. История. Россия. Статьи и выступления. М., 1996.
16. *Кирпичников А.Н.* Языческое святилище у Пскова // Древности славян и Руси. М., 1988.

---

46. *Карташев А.В.* Церковь. История. Россия. Статьи и выступления. М., 1996. С. 176.

17. *Миронова В.Г.* Языческое жертвоприношение в Новгороде // Советская археология. М., 1967. № 1.
18. *Николаева Т.В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. // Свод археологических источников. М., 1971. Вып. Е1–49.
19. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950.
20. Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины Второй. Издание полное, с примечаниями Г.Н. Геннади // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. Повременное издание. 1862. Июль — Сентябрь. М., 1862. Кн. 3.
21. *Панченко А.А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.
22. *Панченко А.А., Петров Н.И.* «Жальники» востока Новгородской области в современной сельской культуре // Дивинец Староладожский. Междисциплинарные исследования. Санкт-Петербург, 1997.
23. *Панченко А.А., Селин А.А., Яшкина В.Б.* 1997. Почитаемое место у д. Кашельково: опыт междисциплинарного исследования местной святыни // Новгород и Новгородская земля. История и археология. (Материалы научной конференции. Новгород, 28–30 января 1997 г.). Новгород, 1997. Вып. 11.
24. Переписка Н.В. Гоголя в двух томах. М., 1988. Т. 1.
25. Пермская деревянная скульптура. Пермь, 1985.
26. *Петров Н.И.* Каменные идолы Восточной Европы: славянское язычество? // Евразия сквозь века. Сборник научных трудов, посвященных 60-летию со дня рождения Дмитрия Глебовича Савинова. СПб., 2001.
27. *Петров Н.И.* Об истоках обожествления св. Николая Чудотворца на Руси // Новгородика–2012. У истоков российской государственности. Материалы Международной научной конференции. Великий Новгород, 2013. Часть 1.
28. *Петрова Л.И., Анкудинов И.Ю., Попов В.А., Силаева Т.В.* Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // Новгородский исторический сборник. Вып. 8(18): 800-летию Нередицы посвящается. СПб., 2000.
29. *Полевой Н.* История русского народа. М., 1829. Т. 1.
30. *Попов Г.В., Рындина А.В.* Живопись и прикладное искусство Твери. XIV–XVI века. М., 1979.
31. Псковские летописи. Выпуск первый. М.–Л., 1941.
32. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1837. Вып. 1.
33. *Седов В.В.* К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М., 1957. Вып. 68.
34. *Седов Вл.В.* Отчет об архитектурно-археологических раскопках руин церкви Николы на Лятке в Новгородском районе Новгородской области в 1998 г.

М., 1999 // Научно-отраслевой архив Института археологии Российской Академии наук. Р-1, № 22921.

35. *Седов Вл.В.* Церковь Николая на Лятке (по данным раскопок 1998 г.) // Новгородские археологические чтения – 3. Материалы Международной конференции «Археология средневекового города. К 75-летию археологического изучения Новгорода». Великий Новгород, 25–28 сентября 2007 г. Великий Новгород, 2011.

36. *Седов В.* Языческий обряд в христианском храме // Эксперт. № 37. 5 октября 1998 г. М., 1998.

37. *Семенов С.А.* Некоторые дополнения о культовом и хозяйственном назначении хлебных печей конца IX–X вв. на Рюриковом городище // Древности Поволжья. СПб., 1997.

38. Сокровища музея истории религии. К 300-летию Санкт-Петербурга. СПб., 2003.

39. *Страхов А.Б.* На святого Николу... // *Palaeoslavica*. II. Cambridge, 1994.

40. *Страхов А.Б.* О своеобразии формирования восточнославянского культопочитания и специфике соотношения в нем языческого и христианского элементов // Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М., 1985.

41. *Страхов А.Б.* Становление «двоеверия» на Руси // *Cyrillomethodianum*. XI. Thessalonique, 1987.

42. *Тихонравов К.* Упраздненный Волосов монастырь // Владимирские губернские ведомости. № 14 от 7 апреля 1856 г. (часть неофициальная).

43. *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского.) М., 1982.

44. *Чекалов А.К.* Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., 1974.

45. *Шахнович М.М.* Монументальные каменные кресты Карелии // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции, посвященной 80-летию академика РАН В.Л. Янина. Новгород, 27–29 января 2009. Великий Новгород, 2009. Вып. 23.

46. *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998.

47. *Яшкина В.Б.* Средневековые каменные кресты в традиционной культуре XIX–XX вв. // Канун. (Антропология религиозности). СПб., 1998. Вып. 4.

48. *Lenhoff G.* Christian and Pagan Strata in the East Slavic Cult of St. Nicholas: Polemical Notes on Boris Uspenskij's *Filologiĉeskie razyskanija v oblasti slavjanskix drevnostej* // *Slavic and East European Journal*. Summer 1984. Tucson, 1984. Vol. 28. No 2.